

Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.

Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. Т. 2. СПб., 2011.

Guimon T. V. What events were reported by Old Rus chroniclers? // COL-LEGIUM: Studies across disciplines in the humanities and social sciences. Helsinki, 2015 (<<http://www.helsinki.fi/collegium/journal/index.htm>>).

Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992].

Соколова Лидия Викторовна

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи)

В изучении памятников Куликовского цикла сделано уже немало. Большой вклад в их исследование внесли классические работы А. А. Шахматова по летописанию и его рецензия на книгу С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», в действительности представляющая собой самостоятельное исследование. Тем не менее, многие проблемы нуждаются в дополнительном изучении, поскольку по вопросам датировки, взаимоотношений памятников Куликовского цикла и по большинству других проблем единого мнения не существует.

Обратимся к летописным повествованиям о Куликовской битве с целью уточнить историю создания *рассказа* о Куликовской битве.

Рассказ о Куликовской битве читается в Рогожском летописце (далее — Рог.)¹ и Симеоновской летописи (далее — Сим.),¹ восходя-

¹ Список РГБ, ф. 247, № 258, лл. 335 об.–337 об., второй половины 40-х гг. XV в. Изд.: [ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. 1922: 1–187]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца с вариантами по Симеоновской летописи см.: [Кучкин 1998б: 9–11]. О Рог. см.: [Муравьева 1998].

щих к своду 1412 г. Со стилистическими изменениями рассказ читается в Белорусской I летописи (далее — Бел. I).² Общим протографом рассказа Рог.—Сим. и Бел. I является свод 1408 г., выделяемый на основании Троицкой летописи (далее — Тр.),³ заканчивавшейся 1408 г. В Новгородской I летописи младшего извода (НІЛ мл.) читается новгородская редакция рассказа [Новгородская первая летопись 1950: 376–377, Новгородская первая летопись 2000: 376–377], составитель которой наряду с рассказом свода 1408 г. использовал и другой источник [Соколова 2014: 305–353].

Существует также более пространное повествование о Куликовской битве — «Летописная повесть», которая дошла в составе Софийской I (далее — СІЛ)⁴ и Новгородской IV (далее — НІVЛ)⁵ летописей, а также во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК2).⁶ Последней общей для СІЛ и НІVЛ статьей оказывается статья 6926 (1418) г., из чего А. А. Шахматов сделал вывод, что в основе этих летописей лежал общий протограф, доведенный до этого года. В свою очередь выделенный им гипотетический «свод 1448 г.», или (по позднейшему уточнению А. А. Шахматова) «Новгородско-

¹ Список БАН 16.8.25, лл. 251 об.–255 (нижней пагинации), второй четверти XVI в. изд.: [ПСРЛ. Т. 18. 1913, ПСРЛ. Т. 18. 2007].

² Списки Никифоровский (далее — Нкф.) (БАН 45.11.16, XV в.) и Супрасльский (далее — Супр.) (Архив СПбИИ, ф. 115, № 143, первая половина 30-х гг. XVI в.) изд.: [ПСРЛ. Т. 35. 1980: 29–30 (Нкф.), 49–50 (Супр.)]; [ПСРЛ. Т. 17. 1907: 1–83 (Супр. с вариантами по Нкф.); репринт: М., 2008]. Лучшим списком, сохранившим более исправные и древние чтения, является Нкф. А. В. Шеков, не учитывая установленное исследователями зависимость Бел. I от свода 1408 г., посчитал рассказ Бел. I первичным по отношению к тексту Рог.—Сим. [Шеков 2004: 13–22]. Ученый сослался, в частности, на то, что в Бел. I нет списка погибших на Куликовом поле, заимствованного из пергаменного Синодика. Однако С. Н. Азбелев справедливо отметил, что рассказ в Бел. I «основан на сокращении текста, восходившего к Троицкой летописи», и что «неактуальный для смоленского летописца середины XV в. перечень одиннадцати московских воевод, убитых в 1380 г., был заменен двумя общими фразами, прославлявшими павших на Куликовом поле» [Азбелев 2010: 98, примеч. 31].

³ Троицкая летопись, оканчивавшаяся 1408 г., сгорела во время московского пожара 1812 г. Ее текст реконструирован М. Д. Приселковым с выделением в тексте выписок Н. М. Карамзина: [Приселков 1950, Приселков 2002]. Дополнительный материал к реконструкции М. Д. Приселковым Тр. с привлечением новых источников см.: [Муравьева 1991: 72–127]. По словам Л. Л. Муравьевой, поддержавшей мнение М. Д. Приселкова, Д. Феннела, М. Х. Алешковского и Б. А. Альтшуллера, Троицкая рукопись свода начала XV в., которая находилась в руках Н. М. Карамзина, «была все-таки ранней (с ремарками) копией с оригинала, написанного вскоре после 1408 г.» [Муравьева 1991: 201, 205]. М. Д. Приселков датировал оригинал Тр. временем от 1408 (окончания в ней изложения) до 1413 г. (появления тверской обработки Тр. — так называемого свода 1412 г.) [Приселков 1950: 47].

⁴ Изд.: [ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. 2000; ПСРЛ. Т. 39. 1994; Памятники Куликовского цикла. 1998: 28–62].

⁵ Современное изд.: [ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. 2000].

⁶ Единственный список НК читается в сборнике РНБ, F.IV.603. Изд.: [ПСРЛ. Т. 42. 2002].

Софийский свод 30-х годов XV в.» (далее — НСС), опирался, очевидно, на две летописные традиции — общерусскую (типа Лаврентьевской–Троицкой) и новгородскую. А. А. Шахматов предполагал, что этот гипотетический свод (НСС) восходит к Владимирскому Полихрону митрополита Фотия 1423 г. М. Д. Приселков, принимая гипотезу о существовании свода 1448 г., датировал Фотиев Полихрон 1418 г. [Приселков 1996: 204–210]. Аргументация А. А. Шахматова относительно того, что НСС предшествовал более ранний источник — Полихрон Фотия, была позднее опровергнута исследователями [Лурье 1976: 70–71, Клосс 2000: XI]. А. Г. Бобров возводит СЛ и — опосредованно — НСС к своду митрополита Фотия, который датирует 1418 г. [Бобров 1993: 6–11, Бобров 2001: 128–160]. Эту датировку свода Фотия поддержали Б. М. Клосс [Клосс 2000: XII–XIII] и М. А. Шибает [Шибает 2000: 368–383].

Происхождение рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Тр.), к которому восходят опосредованно рассказы Рог. и Сим., до сих пор вызывает споры. По одной версии, рассказ Рог.–Сим. является первоначальным по отношению к Повести текстом [Шахматов 1901: 65, Приселков 1996: 208–209, Салмина 1966: 364, Дмитриев 1980а: 15–19, Дмитриев 1980б: 227, 228, Кучкин 1998б: 15], по другой же — рассказ Рог.–Сим. представляет собой сокращение Повести [Шамбинаго 1906: 81–83, Шахматов 1910: 125¹, Греков 1975: 334²]. По третьей версии, текст Рог.–Сим. составлен на основе не дошедших до наших дней памятников [Кучкин 1998б: 15, Зайцев 2005: 44–45, Шеков 2004: 13–22].

М. А. Салмина, возражая С. К. Шамбинаго, считавшему рассказ Рог.–Сим. сокращением Повести, доказывала, что рассказ о Куликовской битве является первоначальным летописным повествованием о Куликовской битве, поскольку, по ее мнению, рассказ этот «на всем протяжении стройный, в нем нет ни одного повторения, события описываются в четкой последовательности, никаких литературных “источников” в нем не обнаруживается» [Салмина 1966: 356].

¹ А. А. Шахматов поменял свою первоначальную точку зрения под влиянием рецензируемой им работы С. К. Шамбинаго.

² По словам И. Б. Грекова, «краткая редакция Повести» (т.е. рассказ о Куликовской битве) возникла «как результат радикальной переделки пространной редакции Повести, осуществленной в соответствии с существовавшими тогда в Москве политическими настроениями» для включения в свод 1408 г. [Греков 1975: 442]. С. Н. Азбелев считает, что первоначальный текст внелетописной Повести дошел в Новгородской летописи Дубровского, он был сокращен составителем свода 1408 г., а затем составителем НСС [Азбелев 1974: 164–172, Азбелев 2011: 83–90]. Эта точка зрения не получила признания у исследователей, с ней не согласились М. А. Салмина, Я. С. Лурье, В. А. Кучкин и др., см. об этом: [Соколова 2014: 314–315].

Однако А. А. Шахматов указал в рассказе четыре дублировки, которые обычно считаются классическими индикаторами присутствия в одном тексте двух разных источников [Шахматов 1910: 125–126¹]. Еще две дублировки в Рог.–Сим. были затем отмечены Л. А. Дмитриевым [Дмитриев 1982: 324] и В. А. Кучкиным [Кучкин 1998б: 14–15], все они приведены и проанализированы в статье А. К. Зайцева [Зайцев 2005: 44–45]. В. А. Кучкин, поставив под сомнение две из приведенных А. А. Шахматовым дублировок, признал, что два других примера (1 и 4)² бесспорно свидетельствуют о дублировании текста в рассказе Рог.–Сим. и что «вывод А. А. Шахматова об использовании в этом рассказе двух источников оказывается вполне обоснованным» [Кучкин 1998б: 14]. По мнению В. А. Кучкина, рассказу Рог.–Сим. предшествовали «не дошедшие до наших дней памятники, возможно, как летописного, так и внелетописного происхождения, в которых победа на Куликовом поле и связанные с нею события излагались подробнее, чем в дошедших текстах Рогожского летописца и Симеоновской летописи» [Кучкин 1998б: 15].

Из предполагаемых источников рассказа исследователь исключил известную нам «Летописную повесть», сославшись на то, что «М. А. Салмина доказала зависимость рассказа Новгородской IV летописи и близких к ней сводов от рассказа в Симеоновской, а не наоборот» [Кучкин 1998б: 15]. Но можно ли считать эту зависимость доказанной?

Основной текстологический довод М. А. Салминой в пользу первичности рассказа Рог.–Сим. сводится к следующему: «В кратком рассказе великий князь лишь после битвы узнает о том, что Олег готовился быть союзником Мамаю, это первое упоминание о роли рязанского князя. В “Летописной повести” же с самого начала уже известно об измене Олега, и Дмитрий Иванович узнает о ней еще в Москве <...> поэтому сходная с кратким рассказом фраза — “поведаша князю великому, что князь Олег Рязаньский посылал Мамаю на помощь свою силу” — в данном эпизоде “Летописной повести” явно не уместна. Совершенно очевидно, что эта фраза была переписана механически (из рассказа в Повесть. — Л. С.) вместе с остальным текстом, где речь

¹ По мнению А. А. Шахматова, источником рассказа Рог.–Сим. помимо «Летописной повести» была Ростовская летопись.

² Первый пример дублировки: «И бысть поле чисто и велико зѣло» — «бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы рѣкы»; четвертый пример: «и убѣжа Мамаи въ малѣ дружинѣ въ свою землю Татарскую» — «тогда же Мамаи не во мнозѣ утече съ Доньскаго побоища и прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ». О том, чем в действительности объясняются дублировки в Рог.–Сим., см.: [Соколова 2014: 337–339].

шла уже о действиях Олега после битвы (он переметал мосты, грабил возвращавшихся с битвы)» [Салмина 1966: 359].

Этот довод нельзя признать неопровержимым. Во-первых, описание последствий битвы: судьбы Олега Рязанского, Мамаю и Тохтамыша — логичнее предполагать в развернутой Повести, нежели в рассказе, очень кратко сообщающем о самой битве, на что указал еще С. К. Шамбинаго.

Во-вторых, повторение в конце Повести сообщения о том, что Олег посылал на помощь Мамаю свою «силу», не доказывает первичности рассказа Рог.—Сим. по отношению к Повести. Исследователи неоднократно отмечали в Повести ряд несообразностей; они относятся, по словам А. К. Зайцева, и к «публицистическим» сюжетам, и к изложению фактических сведений. Поэтому справедливо замечание, что «в авторе Повести трудно увидеть опытного стилиста и тщательного компилятора» [Зайцев 2005: 50]. В таком случае нет ничего удивительного в том, что автор (или редактор первоначального текста), внесший известия о союзе Олега с Мамаем в начало повествования, повторил в конце Повести, где речь шла уже о действиях Олега после битвы, сообщение о том, что рязанский князь посылал на помощь Мамаю своих воинов.

В-третьих, М. А. Салмина допускает в рассуждениях серьезную ошибку, приписывая рассказу Рог.—Сим. фразу, отсутствующую в нем. Она по сути дела утверждает, что в кратком рассказе (т.е. в Рог.—Сим.) в данном фрагменте речь шла не только о том, что Олег посылал на помощь Мамаю свою силу, но и о том, что он совершил уже после битвы: «на реках мосты переметал» и *грабил возвращавшихся с битвы*. И весь этот текст якобы был переписан из Сим. в Повесть. Однако известия об ограблении рязанцами возвращавшихся с битвы воинов в Рог.—Сим. нет. И это явный пропуск в Рог.—Сим., поскольку не разрушение мостов было главным преступлением Олега против русских воинов, возвращавшихся с ожесточенной битвы, а ограбление воинов и взятие некоторых из них в плен. Этот факт произвел сильное впечатление на современников, он был зафиксирован в договоре («Докончании») Дмитрия Ивановича с Олегом Рязанским 2 августа 1381 г.,¹ а также отразился в современных Куликовской битве немецких

¹ В «Докончании» говорилось о возвращении пленных и награбленного: «А что князь великий Дмитрий и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того веремени что грабеж, или что поиманные у князя у великого людии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчий, отдати то по исправе» [Собрание государственных грамот и договоров 1813: 54. Грамота 32]. Судя по тому, что вопрос о донском полоне ставился затем и в договор-

хрониках (ошибочно приписавших ограбление воинов литовцам) [Азбелев 2008: 146]. Почему же сообщение об ограблении русских воинов оказалось пропущено в своде 1408 г.? Возможно, потому, что его составитель счел этот факт снижающим воинскую доблесть ратников, победивших Мамая, или потому, что признал его не заслуживающим упоминания в кратком рассказе о первом крупном сражении между татарами и русскими, завершившемся победой русских.

О первичности текста Повести свидетельствует явная вторичность по сравнению с ней и другого сообщения в Рог.—Сим. — о возвращении Дмитрия Ивановича в свою землю. В конце описания битвы в Рог.—Сим. сказано о возвращении князя Дмитрия Ивановича в Москву, где ему стало известно о поведении Олега после битвы, туда же к нему прибыли бояре рязанские. После сообщения о том, что Дмитрий Иванович внял просьбам рязанцев и не послал на них рать, в тексте Рог.—Сим. и Бел. I (т.е. в своде 1408 г.) ошибочно повторено сообщение о возвращении Дмитрия Ивановича в свою землю: «рати на них не посла, а сам поиде въ свою землю, а на Рязанском княженъе посади свои намѣстници» (ср. в Повести: «рати на нихъ не посла, а на Рязанскомъ княжении посажа намѣстници свои»).

Доказывая первичность текста рассказа по отношению к Повести, М. А. Салмина исходила, видимо, из убеждения, что «Летописная повесть» создана в 40-е годы XV в., а следовательно, гораздо позднее рассказа свода 1408 г. Однако существует аргументированная точка зрения, согласно которой Повесть о Куликовской битве как самостоятельное (вне летописное) произведение была создана еще в конце XIV в.

Указав на «крайне страстный, негодующий тон повести», «в высшей степени резкую характеристику Олега», а также на фразу о будущем посмертном суде («придетъ ему день, великий день Господень въ судъ»), А. Марков в рецензии на книгу С. К. Шамбинаго высказал мысль, что Повесть написана еще при жизни Олега, т.е. до июля 1402 г. [Марков 1908: 434–435]. С этим мнением согласились А. А. Шахматов,¹ М. Н. Тихомиров,¹ И. Б. Греков,² С. Н. Азбелев [Аз-

ных грамотах наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича — их сыновей («Докончание» 1402 г.), а потом и внуков («Докончание» 1447 г.), Рязань так ничего Москве и не вернула. О Московско-рязанском договоре 1381 г. см.: [Кучкин 2003: 245–249, 264–265].

¹ А. А. Шахматов вслед за А. В. Марковым отметил, что «даже в Москве образ Олега Ивановича не мог бы вызвать у представителей следующих поколений той злобы, которую он вызывал у современников» [Шахматов 1910: 103]. Ученый предположил, что Повесть создана еще при жизни Дмитрия Донского, в течение 1381 или в начале 1382 г., поскольку в ней нет намеков на взятие и сожжение Москвы Тохтамышем в 1382 г. [Шахматов 1910: 119–121, 170].

белев 2011: 90–91], А. К. Зайцев [Зайцев 2005: 55], Л. Л. Муравьева [Муравьева 1991: 171–172].³

Сообщение о существовании рязанско-ордынского союза в 1380 г., о посылке Олегом войск к Мамаю вызывает у ряда современных исследователей серьезные сомнения, обоснованные прежде всего В. А. Кучкиным, по словам которого эти сведения носят не фактический, а публицистический характер [Кучкин 1998б: 19, Кучкин 1998а: 49–51, 53, 54, 57]. Поэтому исследователи предполагают, что поводом для столь гневного пафоса Повести послужило другое, более позднее событие.

С. Н. Азбелев, датирующий Повесть 1386 г., и А. К. Зайцев, датирующий ее второй половиной 1385 г., связывают гневный выпад автора Повести в адрес Олега Рязанского с нападением последнего на Коломну 25 марта 1385 г., когда он в день двойного праздника — Благовещения и Лазаревой субботы — совершил набег на Коломну, пограбил ее, увел с собою с целью выкупа коломенского наместника, бояр и «лучших мужей» [Азбелев 2011: 91, Зайцев 2005: 53–55]. В. А. Кучкин полагает, что гневный выпад против Олега вызван скорее событиями 1382 г. — нашествием на Москву Тохтамыша [Кучкин 1998а: 49].⁴ Взять Москву татарам помог Олег Рязанский, который «обведе царя около всея своей земли и указа ему вся броды на Оце», рассчитывая тем самым уберечь от татар свое княжество, но тщетно: на обратном пути Тохтамыш «взя всю Рязанскую землю и огнемъ пожже и люди посѣче, а полона поведе въ Орду множество бесчисленное». Досталось Олегу и от москвичей, наказавших его за предательство: той же осенью москвичи его «землю всю до остатка взяша и огнемъ пожгоша и пусту сотвориша». «Пуще ему и татарские рати!» — восклицает летописец [ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. 1922: 146].

Есть основание предполагать, что в авторском тексте Повести сообщалось только о разрушении мостов рязанцами, об ограблении ими воинов, возвращавшихся с битвы, и взятии некоторых из них в плен. Все остальные сведения об Олеге Рязанском — о его союзе с

¹ М. Н. Тихомиров пишет: «Летописная повесть появилась не позже смерти Олега Ивановича рязанского (1402 г.), так как о нем говорится как о живом и еще опасном противнике московских князей» [Тихомиров 1959: 346].

² По мнению И. Б. Грекова, Повесть была создана в начале 90-х гг. XIV в. в связи с составлением общерусского свода конца XIV в. — «Летописца великого русского», в который и была включена [Греков 1975: 334, 435].

³ Л. Л. Муравьева вслед за И. Б. Грековым полагает, что Повесть о Куликовской битве была включена уже в «Летописец великий русский».

⁴ В. А. Кучкин не рассматривает это как датирующий признак. По его мнению, Повесть создана в составе НСС в 30-е гг. XV в.

Мамаем и Ягаило, о посылке им войск к Мамаю, о его посланиях к Мамаю и Ягаило, о его послании к Дмитрию Ивановичу, гневные обличения рязанского князя внесены позднейшим редактором Повести (текстологические доказательства этого — тема особой статьи). Эти вставки в текст Повести, обличающие Олега, могли быть вызваны событиями последующего времени, скорее всего, 1382 г., когда Олег действительно вел себя как пособник Мамаю.

Исследователи, в частности С. Н. Азбелев и А. К. Зайцев, отмечают, что столь резко обличающая Олега Повесть не могла появиться позже 1386 г., в котором Олег «навечно» помирился с Дмитрием Донским, после чего действительно до конца жизни не вел двусмысленной политики в отношениях между Русью и Ордой. «Повесть же, несомненно, составлена в обстановке самой крайней неприязни к Олегу» [Азбелев 2011: 91].

Таким образом, Повесть о Куликовской битве была создана, скорее всего, между 1380 и 1386 г. и содержит текст, первичный по отношению к рассказу Рог.—Сим., восходящему к своду 1408 г. Поэтому одним из источников сводного текста рассказа вполне могла быть внелетописная Повесть 80-х гг. XIV в., а не некое недошедшее «московское пространное повествование о Куликовской битве», как предполагает В. А. Кучкин.

Позднее Повесть была включена в летописный свод Фотия 1418 г., заменив собой *рассказ* о Куликовской битве, читавшийся в своде 1408 г. То, что составитель свода 1418 г. заменил рассказ, читавшийся в своде 1408 г., внелетописной Повестью, подтверждается характером его работы. По наблюдению М. Д. Приселкова, он «привлек для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения» [Приселков 1996: 207].

В таком случае какой текст помимо Повести был источником для сводного рассказа?

По моему мнению, это был текст краткой летописной заметки, дошедший в Московско-Академической летописи (далее — МАк.).¹ А. А. Шахматовым установлено, что летописный текст в МАк. — ком-

¹ МАк. известна в единственном списке рубежа XV–XVI вв.: РГБ. Ф. 173.1 (Фундаментальное собр. б-ки МДА), № 236. Изд.: [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. 1928: 489–540]. По крайней мере с XVII в. кодекс принадлежал Троице-Сергиеву монастырю (он зафиксирован в описи монастырской библиотеки 1641 г.). Вероятно, там он и был создан [Новикова 2012: 187].

пиляция, состоящая из трех разнородных частей [Шахматов 1938: 222–230]. Причем, по наблюдению Б. М. Клосса, МАк. «представляет собой оригинал летописного свода, поскольку ряд палеографических примет в точности соответствует смене его источников» [Клосс 1997: К]. Третья часть МАк. (конец 1238–1419 гг.), в которой читается заметка о Куликовской битве, восходит к ростовскому владычному своду 1419 г., объединившему летопись конца XIV в. с ростовскими известиями.

Летописную статью 1380 г. в МАк. все исследователи считают сокращением рассказа Рог.–Сим. [Шахматов 1938: 228, Салмина 1966: 355, Муравьева 1991: 89, Зайцев 2005: 39]. Это мнение основывается, вероятно, на том, что МАк. (рукопись 80-х гг. XV в.) моложе свода 1408 г., к которому восходят Тр. и Рог.–Сим. Реконструируя состав Тр. на основании сопоставления известий различных летописей, Л. Л. Муравьева пишет: «МАк. относительно широко (при отсутствии 19 статей и сокращения записей) представляет общий текст Тр.–Сим.–Рог.–Вл<адимирского летописца> за 1359–1408/9 гг.; целый ряд сообщений об одних и тех же событиях эта летопись хранит в самостоятельных записях с оригинальными чтениями, иной датировкой...» [Муравьева 1991: 116–117]. При такой характеристике МАк. нельзя ли предположить обратной зависимости текстов Тр. и МАк. и допустить, что не МАк. опустила 19 статей и сократила текст оставшихся статей, а составитель свода 1408 г. добавил 19 статей в протограф МАк. и расширил объем имевшихся в нем статей? По сравнению с другими летописями, в том числе сокращенными сводами, МАк. содержит краткие, лаконичные по языку и при этом чисто информационные по характеру известия, представляющиеся первичными по отношению к текстам других летописей.

Как выяснил Я. С. Лурье, ростовский свод 1419 г., отразившийся в третьей части МАк., и московский свод 1408 г., отразившийся в Тр., находились в довольно сложных отношениях друг с другом. Некоторые совпадения между ними могут объясняться влиянием старшего свода (1408) на младший (1419).¹ Но в других случаях, по наблюдениям Я. С. Лурье, заметно и обратное влияние; ученый полагал, что некоторые известия могли проникнуть в свод 1408 г. из источника (или источников) ростовского свода [Лурье 1976: 45, примеч. 45, 56, Лурье 1989: 45–47].

Что это был за источник?

¹ К текстам ростовского свода 1419 г., испытавшим влияние свода 1408 г., Я. С. Лурье отнес, в частности, рассказ о Куликовской битве 1380 г. и рассказ о нашествии Тохтамыша в 1382 г., но не обосновал этого [Лурье 1976: 45, примеч. 92].

По мнению Я. С. Лурье, общерусская летопись, лежащая в основе ростовского свода, — это та же летопись, которая послужила протографом для свода 1408 г. [Лурье 1985: 198–199].¹ А. А. Шахматов и М. Д. Приселков отождествляли протограф последнего с «Летописцем великим русским», на который как на документ, не вызывающий сомнений, ссылается составитель Тр. под 6900 (1392) г.²

В таком случае ростовский свод 1419 г., отразившийся в МАк., мог лучше сохранить текст «Летописца великого русского», который был дополнен и отредактирован в своде 1408 г. Следовательно, рассказ о Куликовской битве в МАк. вполне может содержать текст, первичный по отношению к рассказу свода 1408 г.

Предположение Л. Л. Муравьевой, что «Летописец великий русский» включал большее количество повестей, чем Тр. [Муравьева 1991: 180],³ вряд ли оправданно, как и утверждение о наличии в «Летописце великом русском» пространного текста о Куликовской битве — «Повести (или подробного Рассказа) о Донском побоище» [Муравьева 1991: 181, 182], который якобы был сокращен в своде 1408 г. Более убедительна обоснованная точка зрения М. Д. Приселкова о расширении, дополнении составителем свода 1408 г. своего протографа, «Летописца великого русского» [Приселков 1996: 168–179, 187–203]. М. Д. Приселков пишет: «Ближайшее рассмотрение текста Лето-

¹ См. здесь генеалогическую схему летописей на с. 196. Предположение, что в основе ростовского свода 1419 г. лежит общерусский свод 1392 г., подтверждается и тем, что именно после 1391 г. (за 1394–1415 гг., статей за 1392–1393 гг. нет) в ростовском своде идут в основном ростовские известия.

² Говоря о сложностях в отношениях новгородцев с великими князьями, составитель Тр. предлагает открыть книгу *Летописец великий русский* и прочесть там текст «отъ великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго» в подтверждение того, что новгородцы — «человѣци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни» по отношению к великим князьям. Под «нынешним» князем составитель свода 1408 г. имел в виду Василия Дмитриевича, вступившего на престол 15 августа 1389 г. Последней статьей «Летописца», по предположению А. А. Шахматова, была статья 1390 г. [Шахматов 1900: 151], а по предположению М. Д. Приселкова — статья 1389 г. [Приселков 1996: 178]. Однако тот факт, что за свидетельством о ссорах новгородцев с великими князьями автор свода 1408 г. отсылает ко времени от Ярослава Великого до Василия Дмитриевича включительно, конфликт которого с новгородцами имел место в 1392 г., ясно указывает, что «Летописец» был доведен до этого года. В. Л. Комарович, сличив Тр. с близкими к ней текстами Сим. и Рог., отметил, что текст Рог. тождествен Тр. до 1392 г. включительно, и пришел к выводу, что именно 1392 г. оканчивался летописный свод, предшествовавший Тр. [История русской литературы 1945: 193–195]. К этому же мнению пришел и Г. М. Прохоров [Прохоров 2014: 298].

³ По заключению Л. Л. Муравьевой, специально рассматривавшей соотношение «Летописца великого русского» (ЛВР) с Тр., «в ЛВР, вполне вероятно, были уже Повесть о битве на Пьяне, Рассказ о битве на Воже, Повесть (или подробный Рассказ) о Донском побоище, Повесть (или подробный Рассказ) о Тохтамыше и Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче» [Муравьева 1991: 181]. Как видим, исследовательница считала, что в «Летописце» были все повести, «лежащие в хронологических границах ЛВР», т.е. описывающие события, произошедшие до 1392 г.

писца великого русского, положенного сводчиком 1408 г. в основу своего свода, не оставляет сомнения в том, что при включении этого Летописца в свод 1408 г. он был подвергнут некоторого рода обработке». И приводит убедительные тому свидетельства на примере статей 1330 и 1328 г.¹ Исходя из этого, можно предположить, что и заметка о Куликовской битве под 1380 г. в «Летописце великом русском» была расширена сводчиком 1408 г. путем включения фрагментов из Повести о Куликовской битве.

Предположение, что в МАк. дошла краткая летописная заметка свода 1392 г., послужившая одним из источников для рассказа свода 1408 г., подтверждает текстологическое сопоставление текстов МАк. и Рог.²

Во-первых, заметка МАк. в ряде фрагментов первична по отношению к рассказу Рог.—Сим. Об этом свидетельствуют сходные известия в МАк. и Повести, отсутствующие в Рог.—Сим. и Бел. I (т.е. своде 1408 г.). В МАк. содержится известие о том, что русские воины после своей победы прославили наравне с Богом и его «всенепорочную мать». Это сообщение отразилось в Повести, но при этом отсутствует в Рог.—Сим. и Бел. I (следовательно, отсутствовало в своде 1408 г.). Если считать, что заметка МАк. первична по отношению к рассказу Рог., то общие чтения МАк. и Повести объясняются просто: заметка МАк. (т.е. свода 1392 г.), с одной стороны, использована в Повести (отсюда их общие чтения), а с другой — при создании рассказа свода 1408 г., в котором упоминание о прославлении Богородицы было опущено. Если же принять мнение исследователей, что МАк. — это сокращение Рог., то невозможно объяснить, как попало в МАк. известие, отсутствующее в Рог. и при этом содержащееся в Повести.

Во-вторых, если считать, что в МАк. рассказ Рог.—Сим. был сокращен, то придется допустить, что многие важные фактические известия о битве составитель МАк. опустил. В МАк. отсутствуют следующие фактические сведения Рог.—Сим: сообщение о том, из кого состояло войско Мамай, сведение об ожидавшемся соединении войск Мамай с войском Ягайла, о погоне русских воинов за татарами до реки Мечи, где многие из татар утонули или были убиты, о бегстве Ма-

¹ Характеризуя переработку, которой подвергся свод 1392 г. в своде 1408 г., М. Д. Приселков отметил, например, что изложение статьи 6838 (1330) г. может быть разбито на две части, при этом вторая часть «никак не может относиться по времени к «Летописцу великому русскому», а значит, «переработка известия 1330 г. Летописца великого русского (т.е. добавление второй части. — Л. С.) сделана сводчиком 1408 г.» [Приселков 1996: 196–202].

² Сопоставление текстов заметки МАк., рассказов в Рог., Бел. I, НЛ мл. и соответствующих фрагментов Повести по НК2 с комментарием к таблице см.: [Соколова 2014: 327–341].

мая «в свою землю»; нет в МАк. и даты битвы. Если допустить, что в заметке МАк. сокращен текст Рог.—Сим., то как объяснить, почему составитель МАк. убрал важный фактический материал? Для сравнения укажем на то, что составитель Бел. I сокращал текст свода 1408 г. (полнее представленного в Рог.—Сим.), убирая «лишние» слова и выражения, делая изложение более лаконичным, но при этом он везде сохранял фактический материал (за исключением имен погибших русских воинов, ничего не говоривших ему и его читателям).

Итак, взаимозависимость рассмотренных текстов о Куликовской битве представляется мне следующей:

1. Первым произведением Куликовского цикла была *летописная заметка* под 1380 г. в великокняжеской летописи Дмитрия Донского — «Летописце великом русском», завершеном известием под 1392 г. Эта заметка через ростовский свод 1419 г. дошла в составе третьей части МАк.

2. В конце XIV в. (по предположению А. А. Шахматова, в 1381 или в 1382 г.) была создана внелетописная воинская *Повесть о Куликовской битве*, которая в своем изначальном виде до нас не дошла. Не исключено, что Повесть создана тем же летописцем великого князя Дмитрия Ивановича, который внес в «Летописец великий русский» краткую заметку под 1380 г. о битве с Мамаем. Вероятно, уже до 1386 г. Повесть была отредактирована, в нее были внесены фрагменты, обличающие Олега за союз с Мамаем.

3. На основе заметки под 1380 г. в «Летописце великом русском» и заимствованных фрагментов из внелетописной Повести, содержащих фактические сведения, был составлен сводный *летописный рассказ* в своде 1408 г.¹ Он отразился в своде 1412 г. (дошел в Рог. и Сим.) и в Бел. I, а также (в качестве одного из источников) в НЛ мл.

4. В своде Фотия 1418 г., одним из источников которого был свод 1408 г., рассказ о Куликовской битве был заменен *Повестью о Куликовской битве*, которая при включении в свод подверглась редакции.

Сокращения

Бел. I — Белорусская I летопись

ЛВР — «Летописец великий русский»

МАк. — Московско-Академическая летопись

МДА — Московская духовная академия

¹ Реконструкцию рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. см. в Приложении к статье: [Соколова 2014: 349–353].

НІVЛ — Новгородская IV летопись
 НІЛ мл. — Новгородская I летопись младшего извода
 НК2 — вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи
 Нкф. — Никифоровский список Белорусской I летописи
 НСС — Новгородско-Софийский свод
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 Рог. — Рогожский летописец
 СІЛ — Софийская I летопись
 Сим. — Симеоновская летопись
 Супр. — Супрасльский список Белорусской I летописи
 Тр. — Троицкая летопись

Литература

Азбелев С. Н. Куликовская битва в народной памяти: Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.

Азбелев С. Н. Новгородцы и Куликовская битва // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. № 11 (21).

Азбелев С. Н. О связи московских и новгородских летописей в XIV и XV столетиях // Проблемы филологии: Язык и литература. 2010. № 4.

Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: 1973. М., 1974. С. 164–172.

Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 6–11.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

Дмитриев Л. А. Куликовская битва 1380 г. в памятниках литературы Древней Руси // Русская литература. 1980. № 3. С. 15–19.

Дмитриев Л. А. Куликовская битва в памятниках литературы Древней Руси // Поле Куликово: Сказания о битве на Дону. М., 1980.

Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982.

Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и Летописная повесть «О побоище иже на Дону» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005.

История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.–Л., 1945.

Клосс Б. М. Предисловие к изданию 1997 г. [Лаврентьевской летописи] // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.

Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 года // Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. XI.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешне-политические договоры. М., 2003.

[Кучкин В. А.] Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

[Кучкин В. А.]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Летопись Московско-Академическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2: Л–Я. С. 45–47.

Марков А. [Рецензия на кн.:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС. Т. 81. № 7) // ЖМНП. 1908. Ч. 14. № 4.

Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV–начала XV в. М., 1991.

Муравьева Л. Л. Рогожский летописец XV в. М., 1998.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.–Л., 1950.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [репринт с добавлением нового предисловия Б. М. Клосса, приложения и обновлением указателей] // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

Новикова О. Л. «Летописец русский» в рукописях и в истории русского летописания XV в. // Летописи и хроники : Новые исследования. 2011–2012. М.–СПб., 2012.

«О воинѣ и о побоищи, иже на Вождѣ» / Подгот. текста, ввводн. ст., текстол. коммент., примеч. В. А. Кучкина // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.–Л., 1950.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

Прохоров Г. М. Древнерусское летописание: Взгляд в неповторимое. СПб., 2014.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Л., 1928.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922.

ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907.

ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. 2-е изд. М., 2008.

ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.

- ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. 2-е изд. М., 2007.
- ПСРЛ. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
- ПСРЛ. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
- ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла : К вопросу о времени написания «Слова». М.–Л., 1966.
- Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. М., 1813.
- Соколова Л. В.* Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63 С. 305–353.
- Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
- Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС. Т. 81. № 7).
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938.
- Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9.
- Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11.
- Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»... // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910.
- Шеков А. В.* Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. [Сб. статей] В двух томах. Т. 2: История. Этнография. Искусствоведение. Тула, 2004. С. 13–22.
- Шибяев М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000.